

БОРИС ЗЕМЦОВ

СЕРБСКИЙ ФРОНТ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ДОБРОВОЛЬЦА

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 82-94
ББК 68
355

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Земцов, Б.

355 Сербский фронт. Записки русского добровольца. — М.: Тотенбург, 2023. — 220 с.

Борис Юрьевич Земцов — российский журналист и писатель. В 1993 г. сменил перо на автомат Калашникова, в составе русского добровольческого отряда воевал на стороне сербов в Югославии на территории Боснии и Герцеговины. Участник легендарного сражения за высоту Заглавок 12 апреля 1993 года, когда горстка русских добровольцев, вооружённых лишь стрелковым оружием, в течении шести часов отражали атаки многократно превосходящих сил противника. В итоге боснийцы отступили, а сербский город Вишеград был спасён от этнической чистки. Увиденное и пережитое стало основой этой книги, наряду с другими, не менее важными событиями и сражениями этой забытой войны.

**УДК 82-94
ББК 68**

© Борис Земцов

© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
СЕРБСКИЙ ФРОНТ. ЗАПИСКИ РУССКОГО ДОБРОВОЛЬЦА.	5
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	202
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	205
СОВСЕМ НЕЛАСКОВАЯ ПРАВДА	206

ОТ АВТОРА

Осенью 1992 года в составе группы русских журналистов я побывал в Югославии. Встречался с политиками, писателями, военными, предпринимателями.

Слушал рассказы сербов, чудом избежавших участи десятков тысяч жертв геноцида. Видел руины, свежие могилы, кровь, слезы братского православного народа. Незадолго до возвращения, в Белграде, я встретил двух русских парней. Саша С. и Евгений Т. были добровольцами, уже не первый месяц сражавшимися на стороне сербов. От интервью в традиционном смысле этого слова ребята отказались, но в беседе участие приняли. Выяснилось, что они далеко не единственные соотечественники, воевавшие за свободу сербов.

Через несколько месяцев, когда мои югославские материалы были опубликованы в еженедельнике «Русский Вестник», мы встретились снова, уже в Москве. Мои новые друзья были немногословны: «Читали ваши репортажи. Если тема интересует всерьез, можем помочь. Хотите сами выехать в Югославию в качестве добровольца? Устроим».

Предложение было принято. В марте — апреле 1993 года в составе русского добровольческого формирования я находился на территории, некогда входившей в СФРЮ республики Босния и Герцеговина. Принимал участие в боевых действиях.

Виденное и пережитое легло в основу книги.

СЕРБСКИЙ ФРОНТ. ЗАПИСКИ РУССКОГО ДОБРОВОЛЬЦА

* * *

Хуже болтовни либеральной может быть только болтовня... патриотическая. Убедиться в этом можно чуть ли не каждый день — достаточно взять в руки газету патриотической направленности или послушать ораторов из опять же патриотического лагеря. Призывы и лозунги. Лозунги и призывы. Бесконечное, порою виртуозное жонглирование правильными по сути своей словами. И ничего конкретного, ничего реального, что могло бы хотя бы как-то изменить ситуацию в стране. Неужели этот порядок — вечен? Неужели в этом — судьба моего Отечества? Если так, то это уже и не судьба Отечества, а приговор ему. Будущего у такого Отечества попросту нет. Это Отечество обречено.

Впрочем, стоит ли оперировать такими глобальными масштабами? Куда важнее более понятные масштабы одной конкретной человеческой судьбы, одной конкретной человеческой жизни. Задумываешься об этом и очень четко начинаешь понимать, что в этой самой жизни может грянуть момент пронзительного осознания, что все — не так. Не так в окружающих событиях, не так в собственных мыслях и поступках. Человек почувствует, что непременно надо совершить что-то очень серьезное и очень важное. По крайней мере, поучаствовать в чем-то очень серьезном и важном. Не решиться на это — значит совершить ошибку, о которой придется жалеть всю оставшуюся жизнь, какой бы длинной она ни была и как бы ни была богата яркими событиями.

* * *

Итак, завтра.

«Страшно?» — спрашивают друзья, посвященные в мои планы. Я не лицемерю, отвечаю: «Да». Мне не семнадцать, не двадцать три. Мне тридцать семь. Есть что терять, есть, кому сиротеть. Но... Решение принято. Случилось то, что должно было случиться. Пришло время, когда стало ясно: жить, как жил раньше, — все равно что дышать в полгруды. Жить — значит совершать поступки, переламывать судьбу, а не вымаливать у судьбы подачки и поблажки. Поехать в Сербию добровольцем — это поступок. Дай Бог не струсить, не поскользнуться.

Очень хочется вернуться живым. Какая же это хрупкая и ценная штука — человеческая жизнь. От подобных мыслей жмет сердце и першит в горле. Хочется запомнить, как пахнет голова трехлетнего сына, как щебечет милые глупости дочь-первоклассница, запомнить, как цветут яблони, посаженные отцом, как краснеют ягоды шиповника над могилой родителей. Хорошо бы иметь возможность спустя какое-то время перечитать эти строки и от души посмеяться над собственной сентиментальной слабостью.

* * *

Возможность перечитать то, что написал утром, и посмеяться, представилась уже вечером. Стыдно: распливился. Действительно, ехать сегодня в Сербию — значит ехать на войну. Верно, быть добровольцем — значит подвергаться смертельной опасности. Среди русских, дерущихся на стороне сербов, уже есть потери. Безусловно, сложить свою голову за тридевять земель, лишив близких даже возможности поклониться твоей могиле (не наездишься с учетом дороговизны

дороги и чехарды с визами, загранпаспортами и т. д.). Да, перспектива невеселая. Но кто сказал, что в числе погибших должен оказаться именно ты? Существует же теория вероятности. Да и без всяких теорий ясно, что вовсе не обязательно все пули, осколки и мины считать предназначенными именно для тебя. Не стоит забывать и об особом характере войны в Югославии — чаще всего военные действия здесь носят разведывательно-диверсионный характер: походили, постреляли, посидели в засаде и... вернулись по казармам. Потерь при таком раскладе куда меньше, чем в войнах в классическом понимании этого термина. Так что лучшая формула для ума и сердца в этой ситуации: Бог не выдст — свинья не съест.

И все-таки слаб человек. В который раз подумалось, насколько нелепо почти сознательно оставить сиротами своих детей. Конечно, высокий и чистый внутренний голос чеканно заявляет: погибнуть за правое дело братского славянского народа — высокая честь, фактически это то, что называется красивым словом «подвиг». Но другой, не менее сильный, голос осаживает: разве стоят те далекие и туманные идеалы твоей близкой и конкретной жизни?

Главными судьями этого поступка будут дети. Непредсказуемо, какой приговор вынесут они. Хорошо, если будут гордиться отцом-героем и пронесут его имя через всю жизнь, как знамя. А вдруг наоборот — проклянут, рассуждая: зачем ты влез во все эти приключения, подумал ли ты при этом о нас — детях своих?

Что же касается моих жестких, почти «наотмашь», оценок ситуации в патриотическом лагере, понимаю, что такие слова могут задеть многих честных русских людей, искренне желающих добра и процветания Отечеству. Менее всего хотел бы их обидеть, нисколько не сомневаюсь, что они вносят свой посильный вклад в «Русское дело». Вот только где на сегодня кон-

кретные результаты этой деятельности? Каков КПД всех этих статей, митингов, речей, монографий? Где реальные люди, готовые превращать теорию в дела, разумеется, при этом жертвуя не только своим благополучием, но и жизнью?

Более того, наблюдая жизнь отечественного патриотического лагеря изнутри, часто обращал внимание, как много появилось ныне в России «профессиональных патриотов», готовых участвовать в любом мероприятии во благо Родины, но при этом ограничивая свое участие опять же лишь статьями и речами. Неужели такое положение дел — окончательный диагноз современного русского национального движения? Как бы я хотел ошибаться!

Кстати, отправившись воевать в Югославию, я должен четко уяснить, что такого решения... мне не простят и многие из тех, кто еще вчера считался единомышленником-патриотом. Потому что размышлять и спорить о судьбах Отечества — это одно, а воевать за это Отечество, тем более за тридевять земель — это совсем другое дело. И здесь в оценке моего решения и моего поступка причудливо сплетутся объективный анализ с чьей-то завистью, трусостью и много с чем еще.

Верно, попахивают такие откровения гордыней, что признается Православной Верой тяжелым грехом. Но куда деться от собственных мыслей?

Пока эти мысли я доверяю только своему блокноту. Возможно, блокнот когда-нибудь станет книгой. Как быть тогда с тем, что терзает сейчас душу и что со стороны может показаться очень нескромным?

Вот только стоит ли так далеко забегать вперед? Ведь моя югославская война еще и не началась, а чтобы написать об этой войне книгу, с этой войны надо еще вернуться.

Даст Бог, вернусь! Даст Бог, напишу!

* * *

Вещи собраны. Их совсем немного — одна легкая дорожная сумка. Как-то не верится, что через несколько часов начнется отсчет, возможно, самого важного периода моей жизни. Перелистал записные книжки, привезенные осенью прошлого года из Югославии.

Так где же я окажусь через три-четыре дня?

* * *

Босния и Герцеговина... Еще недавно так называлась одна из составных частей Социалистической Федеративной Республики Югославия. Соответственно звучало и полное ее название — Социалистическая Республика Босния и Герцеговина. В силу исторических причин население республики делилось на три группы: православные славяне — сербы, хорваты — католики, славяне — мусульмане. Было время, Босния и Герцеговина воспевалась официальной пропагандой как образец торжества новой национальной политики, когда коммунистическая идеология якобы делала людей братьями, стирая национальные и религиозные различия. Чиновники на местах, состязаясь в рвении, даже перестали указывать национальность в документах новорожденных. Принадлежность человека к корням своим стала заменяться абстрактной формулировкой «югослав». Совсем как у нас, когда выдуманный коммунистическими идеологами термин «советский народ» начал теснить и разрушать понятие «нация».

За восторгами по поводу «дружбы народов» и «торжества мудрой национальной политики» без внимания остались особенности набирающих силу демографических и политических процессов: небывалый прирост мусульманского населения, внедрение мусульман в места традиционного проживания сербов,

распространение идей мусульманского фундаментализма и создание самостоятельного исламского государства на югославской земле.

К концу прошлогодней югославской командировки у меня сложилось впечатление, будто геноцид сербов в провозглашенной после распада Югославии независимой Республике Босния и Герцеговина возведен едва ли не в ранг государственной политики. Изучение документов, показаний очевидцев, материалов допросов пленных позволяло сделать вывод: весь аппарат новоявленного государства сосредоточен исключительно на решении задачи уничтожения сербов. Фактически каждому сербу здесь был предъявлен жесткий ультиматум: или ты принимаешь мусульманскую веру, отрекаясь от славянских корней и православной веры предков, и становишься полноправным гражданином новоиспеченного государства, или... ты попадаешь в безжалостные жернова геноцида.

Геноцид сербов в Боснии и Герцеговине еще ждет своих летописцев. Трудно представить, сколько страниц будет в этой книге, но в одном можно быть уверенным: каждая страница в ней будет вызывать содрогание всех последующих поколений.

Помню, как офицеры вооруженных сил Сербской Республики показывали мне жуткий трофей — диковинной формы гигантский нож, на лезвии которого были приварены два приспособления — что-то вроде молотка и шила.

— Полевое снаряжение саперов? — предположил я по наивности.

— Нет, — помрачнели мои собеседники. — Это оружие уничтожения сербов.

Главное лезвие — для отрубания голов и испарывания животов, тупая часть — для пробивания черепов,

острая — для выкалывания глаз. Мусульмане называют это «серборез».

Тогда я взял в руки жуткое орудие. Металл на его «рабочих» местах был порядком изношен...

К месту, нет ли, вспомнились связанные с мусульманским возрождением события в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе. В планах устроителей нового мирового порядка на этих территориях русскому православному населению уготована незавидная роль. Русские рабы в Чечено-Ингушетии, гонения на казаков в Казахстане, захват заложниками школьников русской школы в Таджикистане — только немногие, просочившиеся в насквозь лживую официальную прессу факты. Что будет дальше? Какая судьба уготована соотечественникам, оказавшимся на территориях, избранных поборниками «зеленой веры» плацдармом для испытания своих очень далекоидущих планов? Повальная насильственная мусульманизация? Концентрационные лагеря? Смерть от фанатиков, вооруженных такими вот жуткими орудиями?

Тысячу раз прав человек, сказавший: линия обороны России проходит через Сербию. Югославский сценарий повторяется на российской земле. Те же процессы, тот же расклад политических сил, аналогичная реакция мирового сообщества. Получается, отправляясь в Югославию, мы выходим на передовую русского фронта.

* * *

Пишу в поезде. Наконец-то мы в движении. Поезд, похоже, уже по существующей ныне традиции, опоздал аж на четыре часа. За время ожидания была возможность немного рассмотреть тех, кто через несколько дней станет боевыми товарищами. Нас сопровождают Юра С. и Евгений Н. Они, как я понял, успели

повоевать в Югославии, а теперь вербуют и отправляют туда группы добровольцев. Наша группа, по их признанию, самая большая за последнее время.

Я был далек от иллюзии, что сегодня в Югославию драться за правое дело едут лишь убежденные приверженцы русской национальной идеи, постоянные читатели «Нашего современника» и «Русского Вестника», участники патриотических митингов и пикетов. Война есть война, и притягивает она в первую очередь, разумеется, людей жестких, мало склонных к говорильне и пустому теоретизированию. Тем не менее действительность превзошла все ожидания. Изрядная часть группы, похоже, емко может характеризоваться мало ласкающим слух термином «шпана». Характерный жаргон, зонные дерганые манеры, наколки. У двоих свежие фингалы. Постоять среди этих парней минут десять, поймать обрывки разговора — ясно, что в Югославию едут они с какими угодно, только не с политическими целями, и вряд ли свербят в их душах боль и беда братского православного народа. Можно биться об заклад — об истинных причинах нынешнего кровопролития на Балканах у этих людей никакого понятия. Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь. Первое впечатление далеко не всегда бывает истинным. Перед посадкой в изрядно опоздавший поезд подумалось о другом. Вот эти подпившие, матерящиеся, лихо сплевывающие мужчины едут на... войну. По сути, они добровольно приближают возможность собственной смерти.

Значит, эти люди — незаурядные люди. Кстати, война, выбранная ими, особого рода. Совершишь ли ты на ней трижды геройский подвиг, сложишь ли в бою голову, для сегодняшнего государства, для картавоязычных газет ты — наемник, человек почти что вне закона. У нынешнего правительства курс четкий: сербы — агрессоры, югославский сепаратизм — ед-

ва ли не свидетельство демократических процессов, русские, сражающиеся на стороне сербов, — едва ли не преступники.

Безусловно, это временно. Пройдет время, и общество воздаст всем, кто протянул сегодня руку помощи сербам. Это обязательно случится, потому что справедливость на их стороне. Впрочем, почему я говорю «они», «эти люди»? Я среди них. Я — равноправный участник истории. У меня столько же шансов на славу, смерть, увечья и т. д. и т. п.

* * *

Мы едем в поезде «Москва — София». Едем до какой-то румынской станции с неприличным названием. Как будем добираться дальше — непонятно, но люди, везущие нас, веселы и спокойны, все идет так, как надо. Пассажиры вагона процентов на 70 — «челноки», едут в Турцию через Болгарию. В Болгарии продают прихваченный в нашем многострадальном Отечестве товар — электропилы, кофеварки-кофемолки и другие традиционные предметы личного экспорта. Вырученную валюту тратят в Турции — закупают кожу, трикотажа и прочее.

Купленное продают в России, снова закупают электропилы, кофеварки-кофемолки и... все по новой. Эти люди обратили внимание на практически полное отсутствие багажа у нас (особенно в сравнении с их громадными тюками) и искренне недоумевают: как же так, ехать ныне за границу с пустыми руками? Прости, Господи, их наивность и простоту — тщетно тратить время и нервы, чтобы объяснить им цели и смысл нашей «командировки». Поэтому на вопросы «куда», «зачем» мы отмалчиваемся и отшучиваемся.

На какой-то украинской станции покупаем водку. Между прочим, это уже заграница. Потому и торгуют здесь на купоны. Такое нелепое название у денег свежейиспеченного украинского государства.

И название нелепое, и вид у купюр неказистый: какие-то блеклые, будто постиранные, размером с конфетный фантик, с невнятным изображением бумажки. Неужели, какие деньги — такое и государство?

Между прочим, водку нам охотно продали и на рубли.

Тем не менее Украина — это уже заграница. Последнее в голове никак не укладывается. Близкая, совсем своя (я же тут срочную службу проходил) Украина — и вдруг какие-то купоны вместо рублей, не говоря уже про таможи, границы и всякие там шлагбаумы.

Если так дальше пойдет, то впереди на пути в братскую республику будут загранпаспорта, визы, таможенные декларации.

А если еще дальше, то что-то очень похожее может случиться на любой прочей территории моего нынче хворого Отечества.

Как бы ни пришлось в ближайшее время оформлять визы в Татарстан, Удмуртию, Карелию и т. д. Неужели едкая плесень сепаратизма, сожравшая СССР, перебросится на Россию? Неужели не обнаружится здоровых сил, что смогут воспротивиться этому? Трижды риторические вопросы...

Казалось, что водка поможет нам лучше узнать друг друга. Пилась она действительно легко, но разговорчивости не прибавила. Похоже, каждый еще оставался одной ногой в том, что объединялось под емким сочетанием «мирная жизнь», и эта «мирная жизнь» как одушевленное, мыслящее, все понимающее существо

не спешило отпускать, цеплялось и обнимало, вкрадчиво намекая, что в эту «мирную жизнь»... можно уже и не вернуться.

Неожиданно подумалось: сто с лишним лет назад кто-то из дальних моих родственников-предков мог так же пить «привокзальную» «предвоенную» водку, когда отправлялся в ту же «балканскую даль» вызволять из-под османского гнета православных «братушек».

Совсем другая эпоха, совсем другие социально-исторические условия, но, очень может быть, совершенно так же булькала сорокаградусная влага в горле у моего предка, так же вытирал он тыльной стороной ладони рот, так же шумно вдыхал, нюхая чёрную корку после выпитого.

Правда, в семейных преданиях на эту тему никакой информации нет. Только это не значит, что такого вовсе не могло случиться: что-то могло быть просто забыто, а что-то и сознательно вымарано в известную совсем недавнюю пору, когда за добрую память об имперском и национальном прошлом приходилось расплачиваться свободой, карьерой, а то и жизнью.

Однако все это, скорее, все-таки из разряда «чистой литературщины»: какая разница, где, когда и по какому поводу кто-то из моих предков пил водку на просторах Российской империи!

Другое дело, что, наверное, для русского человека, едущего на войну за правое дело, водка имеет свой особенный вкус.

Вот и мне купленная на украинской безымянной станции водка показалась совсем не горькой.

Любопытно, будет ли иметь свой вкус водка, которую мы станем пить на обратной дороге? Верно, целое национально-патриотическое эссе можно сочинить на тему имперского привкуса главного российского

напитка. За пустяком дело: вернуться живым надо, чтобы все сравнить, прочувствовать, записать.

Впрочем, и это из разряда все той же самой неуместной ныне «литературщины». К черту «литературщину»! На войну еду!

Слава Богу, что никто сейчас не может прочитать мои мысли. За них было бы просто стыдно. Какой-то коктейль из мальчишества и впечатлений от всего ранее прочитанного на историческую и военную темы.

Другое дело — куда делась империя? С необъятными просторами, с непобедимой государственной статью, с гордыми и мужественными гражданами. Почему вместо нее хилое подобие государства с пьющим руководителем, вороватой челядью и ненавидящими народ и Отечество чиновниками?

Опять грустные и горькие, а главное, безнадежно риторические вопросы. Задавать их каждый из нас может только себе самому, заранее четко зная, какой ответ им уготован.

* * *

Неожиданно для себя самого обратил внимание, что мы, те, кто едет на войну, и те, кто едет в этом же поезде по «челночно-шмоточным делам», очень отличаемся друг от друга. Вроде, и одежда похожа, и сигареты курим одни и те же, и на одном языке говорим, и водку, купленную на остановках, пьем из одних стаканов, а... отличаемся, очень отличаемся. И отличия эти спрятаны где-то глубоко внутри. Наверное, там, где у человека душа находится. Которую никто не видел, но которая непременно есть.

Или что-то мне кажется, что-то я додумываю? Опять нескромностью, если не откровенной гордыней, веет от моих наблюдений и размышлений. Наверное, это от избытка не занятого серьезным делом времени.

А еще душно в поезде. Да и водки по причине того же избытка свободного времени выпито немало. Возможно, потому и голова «не так работает». Скорей бы добраться до места!

* * *

Продолжаю присматриваться к своим попутчикам. Почти половина — казаки. В основном с Дона, есть и уроженцы Ставрополя, сибиряки. Они страшно горды принадлежностью к казачеству, держатся свысока. Обратился к ним по незнанию «мужики!», в тот же миг был жестко одернут: «Мы не мужики, а казаки». Оказывается, в их сознании уже четко отложилось: русские мужики — это, по сути, второй сорт, казаки — элита. Вспомнилась в связи с этим годичной давности встреча с представителями казачества одного из южных регионов (до этого казаки мне представлялись едва ли не самыми лучшими, самыми чистыми носителями национальной идеи). Тогда меня сильно удивило недоверчивое, граничащее с враждебным, отношение их к Москве, к русским, твердая уверенность, что казачество — самостоятельный этнос, уходящий корнями вглубь на тысячелетия (!), упрямая ориентация на близкую перспективу полного отделения от России и образование самостоятельного казачьего государства. «Это отдельные настроения некоторой части казаков», — по наивности сделал я тогда вывод.

Выходит, ошибался.

Впрочем, «не судите, да не судимы будете», — подумаешь, высокомерие и сепаратизм. Главное, что сейчас на призывы поддержать сербов — казаки отозвались первыми! Пока записные патриоты говорят умные речи, наслаждаются Невзоровым и размахивают плакатами на митингах — казаки, не щадя живота сво-

его, вносят конкретный вклад в защиту славянства и православия. Низкий поклон им за это.

Что же касается неказачьей части нашей группы, то она представлена москвичами (в основном), питерцами и туляками. Поехавших по чисто политическим мотивам немного. Едут, чтобы проверить себя, посмотреть за границу, заработать валюты. Лично мне последний мотив кажется странным — ведь общеизвестно, что в горячих точках Югославии нуждаются не в наемниках, а (большая разница!) в добровольцах. Однако меркантильный расчет скорее не вина, а беда этих людей. Похоже, кто-то накануне долго и старательно внушал им, что сербы всем воюющим на их стороне отваливают сполна.

* * *

В Сучаве мы сходим с поезда. Город запомнился грязным вокзалом (в зале ожидания среди белого дня внаглую разгуливали мыши), мужиками в островерхих бараньих шапках. Из Сучавы мы должны выехать до Тимишоары, оттуда до югославской границы рукой подать. Столь сложный вариант попадания в Югославию кажется нам странным, если не подозрительным. Везущие нас Юра и Женя объясняют все сложности дополнительными принятыми ими мерами предосторожности. Объяснения неубедительны. Общеизвестно, что не первый год существует прямой железнодорожный маршрут Москва — Белград (авиатранспорт, разумеется, не в счет — он баснословно дорог). Неужели нельзя было воспользоваться поездом? Похоже, наши «отправители» попросту экономят на нас. Ехать на перекладных (через Сучаву и Тимишоару) куда дешевле, чем прямым поездом. Впрочем, по этому поводу никто не сетует. Трудности дороги ничтожны в сопоставлении с масштабом задач, которые нам предстоит решать

через денек-другой. Шутка ли — мы окажемся в самой горячей точке планеты. Окажемся не туристами, не посторонними наблюдателями, а участниками событий. Православным братьям-сербам сегодня приходится туго. Мировое правительство, вскормленное сионистским капиталом, делает все возможное, чтобы сербы перестали быть нацией, чтобы форпост славянства и православия на юге Европы был уничтожен. Именно с этой целью была разрушена мощная славянская держава — Югославия. Именно для этого вооружаются и науськиваются католические и мусульманские сепаратисты. Программа уничтожения очага национального сопротивления новому мировому порядку, опробованная в Ираке, «доводится» на югославской земле. Компоненты этой программы известны: расчленение страны, уничтожение армии, разрушение культуры, информационная и экономическая блокада. Есть все основания полагать, что сценарий, по которому развиваются события в Югославии, вскоре повторится и у нас, в России.

* * *

Продолжаю осмысливать суть грядущей миссии. С одной стороны, наш отряд — объективная реальность: почти три десятка российских граждан, принявших решение, рискуя собой, помочь сербам в их неравной борьбе с мировым порядком, помочь братьям-славянам отстаивать право на свою Веру, свой Язык, свою Культуру и свою Историю.

Повторяю, наш отряд — объективная реальность. Вот они, эти люди — сидят на соседних полках, курят в ближайшем тамбуре. Через несколько дней они возьмут в руки оружие, станут конкретной боевой единицей, получают конкретное боевое задание. Разумеется, они будут предпринимать вполне конкретные действия, чтобы это задание выполнить.

С другой стороны, нас как будто не существует. Наше государство нас в Югославию не посылало, ничего нам не поручало, оно просто не знает, что наш отряд уже пересек украинскую и румынскую границы и через считанные часы окажется на югославской территории. Кстати, официально и Югославия нас не приглашала, ни о чем нас не просила и на том самом «официальном» уровне вряд ли даже догадывается о самом факте нашего существования.

Плюс ко всему (как я успел понять) добрые две трети состава отряда или не сообщили никому о своей «югославской командировке», или наврали что-то неусуветное по этому поводу. Естественно, в этом «вранье» ни намека на конечный пункт нашей «командировки», тем более на ее истинное предназначение.

Выходит, наш отряд — почти фантом. Выходит, и мы — почти призраки.

Тайна. Туман. Мистика. Сплошная ирреальность.

Тем не менее в самом недалеком будущем любой из нас рискует в реальном бою пролить вполне реальную кровь и расстаться со своей самой реальной жизнью.

Как-то нескладно... Как-то нелогично...

Чем не очередная военная тайна многострадального двадцатого века?

Выходит, и мы — полноценные носители, хранители и просто составляющие этой Тайны.

* * *

Опять в поезде. Пункт прибытия — Тимишоара. Название этого румынского города в свое время порядком издергали средства массовой информации. То ли «ненавистный» коммунистический режим потрепал здесь пытавшихся возмутиться пролетариев. То ли что-то наоборот. Конечно, ко всем штампам и формулировкам, связанным с недавней, якобы демократической ре-

волюцией в Румынии, надо относиться сдержанно. Уже просочилась в прессу куца информация, что румынские события — вовсе не веяния демократических ветров, а традиционные масонские козни. Разумеется, никто из нас, сидящих сейчас в поезде «Сучава — Тимишоара», размышлениями на подобную тему голову не утруждает. Какое нам дело до Румынии, когда мы едем в Югославию. В самую горячую точку планеты.

Обстановка, в которой мы сейчас пребываем, меньше всего соответствует пафосу высоких идей. Вагон, как и весь поезд, грязен и тесен. Места — только сидячие. Липкая духота наполовину с жестокими сквозняками. Кое-кто из моих попутчиков излишне весел. Это благодаря изрядной дозе румынской водки. Откуда у них валюта, ведь рубли в этой стране никакой ценности не имеют? Мой сосед Володя Ц. (юркий словоохотливый люберецкий парень, способный ввязаться в разговор на любую тему и по любому поводу, уже успел получить кличку Бес) доверительно сообщил, что казаки «толкнули» в Сучаве что-то из гуманитарной помощи. Позже выяснилась долгая предыстория этой фразы. Оказывается, наши (т. е. входящие в состав нашей группы) казаки до того, как погрузиться в поезд, месяц жили в подвалах одного из московских монастырей. Жили — не тужили. Ждали выездных документов. Подрабатывали на хлеб и водку разгрузкой гуманитарной помощи, присланной на адрес этого монастыря аж из самих Соединенных Штатов. Ворочать тяжеленные коробки, заброшенные в Россию сердобольными американцами... и не пошарить в самих коробках — для них, видимо, невозможно. Что-то было истреблено под монастырскими сводами, что-то отправилось в недрах посылочных ящиков в родные станицы, а что-то, проделав длинный путь через полусерьезные (эсэнговские) и серьезные (международные) границы,

перекочевало в распоряжение румынских барыг. Представляю, как цыганоподобные вороватоглазые румыны (именно такой тип людей преобладал в окрестностях вокзала города Сучава) радовались полученным еда ли не задаром консервам и концентратам, помеченным заветным знаком *Made in USA*. Не меньший восторг испытывали и казаки, которым случай представил возможность без всяких там протокольных формальностей отведать наверняка дрянного, но все-таки заграничного пойла. Пусть лучше казаки честно пропьют эти подачки из-за океана, чем мурлорожие кооператоры сколотят на них очередной «лимон». Я бы и сам сейчас, забыв о наложенных возрастом и обществом обязанностях, с удовольствием «накатил» стакан.

Впечатления от Румынии были мимолетными, но сильными. Между прочим, это — мои «румынские впечатления номер два». В Румынии я уже был. Шесть лет тому назад. На отдыхе. По линии международного молодежного туризма. Две недели провел на побережье Черного моря в окрестностях города Констанца в отеле вполне европейского уровня. Совсем другая обстановка. Совсем другие условия. Совсем другое настроение. Да что там настроение! Те впечатления — из другой эпохи, из совершенно иного измерения. Их синонимы: отдых, комфорт, туризм — одним словом, праздность! А здесь тревожная неопределенность, неустроенность, нарастающая близость смертельной опасности. За всем этим емкое и жуткое понятие — «война», истинный смысл и суть которого мне еще предстоит понять и усвоить.

Кстати, о Румынии.

Тогдашние курортно-отпускные картинки были своего рода фасадом этой страны. Неестественно ярким, откровенно показушным. Фасад прикрывал суть. Неряшливую, неприглядную, почти нищую. Помню

убогий ассортимент тогдашних румынских магазинов, несвойственное для Европы 20-го века обилие гужевого транспорта на дорогах страны, бедность крестьянских домов в глубинке.

Еще яркий штрих из моих первых румынских впечатлений. Дважды за две недели во время прогулок в окрестностях своего отеля наткнулся на громадные очереди из местных жителей. Первая очередь была за... керосиновыми лампами. Вторая за... основательно обтесанными и даже чуть попахивающими свиными костями. Нужны ли комментарии?

Оказывается, нужны. Бедность бедностью, но именно приблизительно ко времени моего первого посещения Румынии эта страна полностью рассчиталась (!) со своими основными внешними долгами, все увереннее стала заявлять о себе на международной арене как самостоятельное государство с независимым экономическим и политическим курсом. Мировой порядок такого не прощает. Похоже, именно излишняя самостоятельность и стоила Румынии либеральной революции. Скорей всего, именно за эту независимость заплатила чета Чаушеску своими жизнями.

Еще одно, возможно, совсем неуместное воспоминание из того курортного румынского периода.

Как-то вечером по какому-то поводу с соседями по этажу мы крепко выпили. Веселье продолжили на пустом ночном пляже. Здорово пила советская «Столичная» под игольчатыми румынскими звездами! Казалось, что на всем необъятном пляже мы были совсем одни. Но так только казалось.

Вскоре из темноты возникли два солдата с автоматами. Оказалось, это румынский пограничный патруль, совершающий обязательный полуночный обход пляжа. Почему-то тогда нам очень захотелось угостить солдат водкой. Пограничников не пришлось долго уп-

рашивать. Пили за советско-румынскую дружбу, за процветание наших государств, просто за здоровье. Русского языка пограничники не знали, тем более мы не имели ни малейшего представления о языке румынском, тем не менее все прекрасно понимали друг друга.

Импровизированный банкет под пляжным грибочком закончился, когда небо на востоке уже начинало сереть. Запомнилось, как пограничники уходили, поддерживая друг друга, как автоматы, которые они с трудом тянули за собой, один за ремень, другой просто за дуло, оставляя на песке прерывистый зигзагообразный след.

Вспоминая об этом спустя шесть лет, подумал, что, возможно, кто-то из тех румынских парней, служивших тогда срочную в погранвойсках, сейчас запросто мог покупать «гуманитарку» у наших казаков в Сучаве или просто оказаться соседом в обшарпанной электричке, везущей нас в сторону Тимишоары. Непредсказуем ход судеб человеческих!

* * *

В Тимишоаре на вокзале теснота, грязь и тоска, уже знакомые нам по Сучаве. Одно существенное отличие — меньше мужиков в бараньих шапках, да и в целом общий уровень тимшоарской публики ближе к европейскому, по сравнению с публикой сучавской. Наши командиры кому-то звонят, куда-то уходят, беседуют о чем-то с красавцем-брюнетом в светлой дубленке. Наконец нам адресуются решительное «вперед». Оказывается, то ли пересекать, то ли вплотную подтягиваться к границе мы будем на такси. Что же, согласны. Тем более выбирать не из чего. Границ за свои тридцать с большим хвостиком я повидал немало. Приближался к ним самолетом, пароходом, разными видами транспорта. На такси ни в одну из стран не въезжал.